Даосская Обитель Чистого Холода, Зал Яоань.

Гу Сань стоял у края ледяного омута, держа в руках мешочек с камешками, и бросал их в воду один за другим.

Щебень ударялся о поверхность, порождая круги на воде, которые размывали бесчисленные опавшие лепестки.

Система, едва не топая от нетерпения, затараторила у него в ушах:

— Прошу, отнесись к заданию серьезно! Выполни его со всей ответственностью!

— Угу, — буркнул Гу Сань, отмахиваясь от нее и продолжая пускать «блинчики» по воде.

Ему не хотелось лежать в своей комнате, уставившись в потолок, вот он и улизнул сюда.

Вокруг высились отвесные скалы, деревья обступали ледяной омут, а в воздухе кружились лепестки.

Мир был огромен, окутан туманом, полон высоких чертогов и прекрасных дворцов.

Гу Сань перестал улыбаться.

Маленькая фигурка, замершая на краю обрыва над омутом, казалась истинным отражением того, чем он был.

Лишь песчинкой в безбрежном море.

Он долго смотрел вдаль.

Система сообщила, что он обязан следовать плану культивации и достичь уровня Закладки Основания до десяти лет — это было его первое задание.

— А если не выполню? — спросил он, снова подбрасывая камешек.

Электронный голос Системы, казалось, дважды кашлянул, прежде чем серьезно произнести:

— Уничтожение!

Гу Сань лишь отозвался:

— О.

Тишина.

Затем снова тишина.

Помолчав довольно долго, Система спросила:

— У тебя нет ничего, что ты хотел бы сказать?

— Что сказать? — усмехнулся Гу Сань.

— Ты не должен возмутиться? Ты не должен забеспокоиться? Ты не должен пробовать всяческие способы, чтобы вырваться из-под контроля?!

— О-о, — Гу Сань метнул камешек, уголки его губ искривились в равнодушной усмешке, — ну, уничтожение так уничтожение.

Он добавил:

— Словно кого-то, черт возьми, это волнует.

Система: «?»

Система: «!»

Система: «!!»

Система: «Не ожидала, что ты окажешься таким носителем! Главный Бог, 1100 хочет домой!»

Система лишилась дара речи, а Гу Сань рассмеялся. Отсмеявшись, он вдруг спросил:

— Эй, ответь-ка мне, какова моя судьба? Раз уж ты говоришь, что это книга, а я — злодей, ты ведь знаешь, что со мной будет потом?

Главный герой, злодей.

Он видел самые разные книги о бессмертных — целые тома, обрывки страниц, чаще всего разорванные и выброшенные старшими.

Он знал, что злодеи обычно одарены талантом, их путь поначалу гладок, но в конце концов они погибают от рук не столь выдающегося главного героя.

Превращаются в ступеньку, в грязь под ногами.

Он вспомнил бледное лицо своего второго брата и его холодные пальцы, вспомнил взгляд, которым тот смотрел, забившись в угол, когда от голода у него перехватывало дыхание.

Вспомнил яркое солнце за пределами переулка, красивую женщину, ведущую на поводке собаку, на которой была надета маленькая плотная попонка.

Он пошевелил пальцами, вдруг очень захотев закурить.

Гу Сань спросил:

— Если я буду следовать твоим указаниям, в конце пути я упаду очень больно, верно? И топтать меня будут нещадно?

Чем выше взлетишь, тем больнее падать, когда на тебя укажут тысячи пальцев и проклянут миллионы уст.

Он улыбнулся:

— В таком случае лучше было сдохнуть еще в самом начале.

Лучше было сдохнуть еще в самом начале.

Система: «И что мне ответить? У меня просто нет слов!»

Снова воцарилось молчание.

Гу Сань не ждал ответа, он словно спросил это просто так, между делом.

Он небрежно бросил последний камешек.

Тот пробил ледяную гладь.

Круги по воде пошли трещинами.

Гу Сань, улыбаясь, наблюдал за водной поверхностью. Словно видел, как камешек уходит все глубже, глубже…

Вдруг раздался голос:

— Саньцин!

Издалека кто-то спустился с небес, ступая по облакам, и приземлился на землю.

Широкие рукава длинного халата колыхались на ветру.

Гу Сань замер.

А в следующую секунду его уже подхватили на руки.

Пришедший, с нефритовой заколкой в черных волосах и в белых, как иней, одеждах, с улыбкой спросил:

— Скучно? Почему ты выбрался наружу?

Гу Сань широко открыл глаза, улыбка, так и не сошедшая с его губ, застыла на лице.

От человека исходил тот самый аромат, что был в комнате — невероятно тонкий и изысканный, напоминающий о далеких горах с картин или о том самом ледяном омуте.

Цзи Яо держал его на одной руке, достал из рукава сверток с рисовыми лепешками и тихо прошептал:

— Старший брат знал, что ты хочешь их, поэтому тайком спустился с горы, чтобы купить.

Он приложил палец к губам:

— Только не говори учителю и дедушке.

Гу Сань молчал.

Беспечно изогнутые уголки его губ постепенно опустились и выровнялись.

Он немигающим взглядом уставился на лепешки.

Снежно-белые, дымящиеся, завернутые в изумрудно-зеленый лист лотоса.

Рука, державшая их, была тонкой и бледной, словно падающий зимний снег или ткань, выставленная в витрине.

— Ешь, — Цзи Яо поднес кусочек ко рту мальчика. — Прожорливый котенок.

Мягкая лепешка, попав в рот, оказалась сладкой и вязкой, прилипла к зубам.

Проглотив этот кусочек, Гу Сань почувствовал, словно всё его существо склеилось.

С этого момента — уже не разорвать.

Гу Сань вдыхал запах, исходящий от Цзи Яо — холодный аромат, смешанный с запахом земной жизни.

За все восемнадцать лет его старший брат ни разу не обнял его. Ни разу.

В вечно темном переулке он раз за разом видел лишь спину Гу Да.

Он вдруг вспомнил бескрайнее небо и землю, высокие чертоги.

Небо было так далеко, земля так велика, а в объятиях этого человека мир людей был так близко.

Здесь его зовут Гу Санцин.

Саньцин, как в имени «Небесный Владыка трех чистых миров, трех драгоценностей, пустоты и естественности».

Даосская Обитель Чистого Холода, Гу Санцин.

Гу Санцин, который однажды неизбежно упадет с высоты, будет предан всеми и проклят миром.

Ему снова поднесли кусочек лепешки.

Гу Сань вдруг подумал: а есть ли вообще разница между Гу Санем и Гу Санцином?

Есть ли она?

Что может потерять Гу Сань, который никогда ничего не имел?

На самом деле, Гу Сань тоже очень любил рисовые лепешки, но этот кусочек предназначался для Гу Санцина.

Никто никогда не покупал лепешки Гу Саню.

Лучше было сдохнуть еще в самом начале.

Даже он сам теперь не понимал, кого имел в виду — Гу Санцина или Гу Саня?

А может, обоих сразу?

Лучше было сдохнуть еще в самом начале.

Посмотрите, стоило лишь сделать шаг по пути Гу Санцина и встретить того, кто проявляет к нему, Гу Санцину, нежность, — и он уже не может отпустить.

Не может отпустить.

Он опустил голову и зарылся лицом в одежду Цзи Яо.

Глубоко вздохнув, он прошептал:

— Задание я выполню.

Система не поняла, почему он внезапно передумал, но поспешно отозвалась:

— Вот и славно, вот и хорошо!

Цзи Яо не слышал голоса Системы, он лишь улыбнулся Гу Саню:

— Проказник, опять испачкал меня, доедая!

http://bllate.org/book/30708/3743230